

Религиоведение. 2023. № 1. С. 83–91.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 1. P. 83–91.

DOI: 10.22250/20728662_2023_1_83

Новосёлова Е.В.

*МИРЭА – Российский технологический университет
119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 78
Helena-Novoselova@yandex.ru*

Локация загробного мира в андской традиции

Аннотация. В статье представлен анализ локации загробного мира в андском мировоззрении как компонента общей религиозной системы. Источниковая база исследования представлена документами (в том числе архивными) колониальной эпохи различных жанров, данными археологии, иконографии и этнографии. На основе анализа этих источников автор выделяет следующие ключевые локации загробного мира: горы/вулканы, подземное пространство, пространство за морем, небо. Все эти варианты находятся в тесной связи не только с представлениями о загробном мире, но и с идеями мироустройства вообще. Так, горы почитались как источники влаги и плодородия в горных областях Анд, аналогичную функцию выполняло море в прибрежных культурах. При этом лишь последняя локация из названных отражает христианскую стадию развития андского мировоззрения; все остальные возникли и развивались в доиспанскую эпоху. При этом по крайней мере первый вариант показывает высокую степень конкретизации: в источниках содержатся многочисленные сведения о конкретных горах/вулканах, которые мыслились в качестве локаций загробного мира. Некоторые из них носят межрегиональный характер (самый яркий пример – вулкан Коропуна), другие, напротив, почитались лишь на локальном уровне конкретными общинами. Несмотря на то, что в источниках преобладают упоминания гор/вулканов в качестве локаций загробного мира, автор не считает возможным говорить о преобладании данной локации для андского мировоззрения в целом. Такая картина обусловлена в первую очередь диспропорцией источников по регионам: большинство данных относятся к горным областям, в то время как побережье освещено намного хуже.

Ключевые слова: Андская цивилизация, загробный мир, мировоззрение, колониальный период, христианизация, почитание гор

Elena V. Novoselova

*MIREA – Russian Technological University
78 Vernadskogo avenue, Moscow, 119454, Russia
Helena-Novoselova@yandex.ru*

Location of the Underworld in the Andean Tradition

Abstract. The article explores the location of the Underworld in the Andean tradition as a part of its religious system. The main sources for this study are different colonial documents (including archival ones) in various genres, archaeological data, iconography, and ethnography. Based on the analysis of these sources, the author identifies the following locations of the Underworld: mountains / volcanoes, some subterranean / oversea place, and heaven. All these variants have a close connection not only with views about the Underworld, but also with ideas of the world order in general. For example, mountains were venerated as sources of moisture and fertility in the mountain regions of the Andean civilization, and the sea had the same function in the coastal culture. At the same time, only heaven reflects the Christian stage of the Andean worldview, the others locations appeared in the pre-Hispanic period. At least the first variant of location shows a high degree of concretization: the sources contain numerous information about specific mountains / volcanoes that were thought as locations of the Underworld. Some of them are interregional in nature (the most representative example is the Koropuna volcano), others, on the contrary, were revered only at the local level by specific communities. Despite the fact that references of mountains/volcanoes as locations of the Underworld predominate in the sources, the author does not consider that it is possible to talk about the predominance of this location in the Andean worldview in general. Such situation is caused primarily by the disparity of sources by region: most of the data relate to the Sierra areas, while the Costa is much less illuminated.

Key words: Andean civilization, Underworld, worldview, colonial period, Christianization, mountain worship

Введение

Вопросы, связанные с андскими представлениями о загробном мире¹, относятся к сравнительно малоизученному пласту мировоззрения. В свою очередь, проблема локации этого мира представляет особую сложность вследствие её редкого упоминания в ранних источниках, а также её противоречивости. Краткого обзора достаточно для понимания того, что даже в рамках отдельно взятых культур существовали разные, порой противоречащие друг другу локации загробного мира [Shushan, Flood, 2009, 152]. Как будет показано ниже, похожую картину можно наблюдать и в случае с Андской цивилизацией. Вместе с тем это один из фундаментальных аспектов религиозного мировоззрения, что определяет важность его изучения.

В настоящей статье будут выделены наиболее распространённые варианты локаций загробного мира, проанализированы основные смысловые компоненты этих представлений, их связь с прочими элементами мировоззрения, а также эволюция.

Наибольшее сожаление исследователя вызывает тот факт, что локация загробного мира редко упоминается в ранних источниках, созданных на начальном этапе колониального периода, когда андское мировоззрение ещё сохраняло во многом свой первоначальный облик. Вследствие этого для максимально полного воссоздания картины необходимо привлечение как можно более обширного спектра источников (письменных: колониальные хроники, реляции, трактаты, документы процессов по искоренению идолопоклонства; археологические свидетельства (в первую очередь погребения), иконография, данные сведения этнографического характера, собранные в наше время).

Источниковой базой обусловлены хронологические рамки исследования: мы сконцентрируемся преимущественно на позднем доиспанском и раннеколониальном периодах (XVI–XVII вв.), которые лучше освещены, а также на современном состоянии вопроса. Однако там, где это возможно, мы будем привлекать и более ранние материалы.

Относительно историографии рассматриваемой темы можно сделать два основных наблюдения. С одной стороны, эта историография очень обширна, особенно это касается археологического аспекта. Следует особо отметить работы, в которых рассматриваются неразграбленные захоронения с обширным инвентарём [Miłosz, Pardo, 2014], а также труды, анализирующие большой объём материала [Castillo, 2011; Donnan, 1978; Donnan, 2022]. Вместе с тем эти публикации являются скорее источниками, нежели историографией в собственном смысле этого слова: они предоставляют первичный материал для анализа, в то время как авторы этих работ не уделяют проблеме локации загробного мира почти никакого внимания.

Ситуация с анализом письменных источников немногим лучше: локация загробного мира ещё не становилась предметом специального анализа, а в более общих работах её интерпретация далеко не всегда бесспорна. В частности, была высказана версия, что все упоминания в источниках о локализации мира мёртвых и путешествии души туда вызваны христианским влиянием, в то время как по доиспанским представлениям «живые и мёртвые сосуществовали в этом мире, а христианство прочертило между ними границу» [Ramos, 2017, 123].

Этот взгляд на источники нуждается в корректировке. Конечно, влияние христианства на андское видение смерти и загробного существования сложно переоценить (подробнее см.: [Новосёлова, 2021, 308–309]). Но многие представления, зафиксированные в колониальное и позднейшее время и отчасти подтверждаемые доиспанским материалом, прямо противоречат христианским воззрениям на посмертное существование. Это позволяет нам не согласиться с теорией Рамос, но для большей наглядности приведём в подтверждение несколько соображений.

Во-первых, нет особых оснований считать, что упоминаемые в хрониках представления о локации загробного мира сложились именно под христианским влиянием: для абсолютного большинства культур как раз свойственны идеи о разграничении мира мёртвых и мира живых: граница между ними не является абсолютной, однако отчётливо осознаётся. Во-вторых, к отрицанию данной теории подталкивает современный этнографический материал: в качестве локации загробного

мира в нем часто упоминаются горы, подземное пространство и т.п. Подобные представления коррелируют не с христианством, а с доиспанскими верованиями, о чём подробнее будет сказано ниже.

Маркеры локализации загробного мира

Более или менее универсальным маркером локации загробного мира может служить ориентация погребений по сторонам света. В некоторых андских культурах такая закономерность действительно иногда прослеживается: например, для погребений культуры Моче [Donley, 2008, 125; Gutiérrez, 2008, 248; Donnan, 2022, 124] и в более северных областях вплоть до Пиуры [Kaulicke, 1997, 35] часто характерна ориентация на юг или юго-запад [Rucabado, 2008, 366; Ruiz, 2008, 382]. Из этого можно сделать осторожное предположение, что для мировоззрения жителей этих областей (по крайней мере, на определённом этапе) была характерна локация загробного мира в южном направлении. Впрочем, данное предположение нельзя абсолютизировать.

Но даже такую закономерность ориентации погребений можно проследить далеко не всегда [Miños, 2017, 25]. Также высказывалось предположение, что для культуры Моче была характерна локализация загробного мира за морем [Benson, 1975, 105]. Это объясняется важностью морской стихии для Моче и прибрежных культур в целом, а также местным мифологическим циклом, который отчасти восстанавливается на материале иконографии. Это предположение можно косвенно подтвердить раннеколониальным материалом: Х. де Арриага в своём трактате отмечает, что жители побережья верят, будто бы души людей после смерти отправляются на остров Хуано [Arriaga, 1999, 76]. К сожалению, на побережье Перу традиционные верования сохранились намного хуже, чем в горных областях, поэтому подкрепить эти данные этнографическим материалом невозможно. При этом локация загробного мира где-то за морем фиксируется и на современном этнографическом материале, причём среди жителей горных районов. В частности, соответствующее представление было отмечено среди лайми Боливии [Harris, 1983, 146].

Ещё более распространённым inferнальным символом, чем море, являются в Андах горы и пещеры. Сам этот концепт достаточно универсален. Гора выступает и как значимый символ мироустройства: пронизывая пространство от земли до неба, она может рассматриваться как аналог мирового древа, которое является одной из универсальных мифологем [Мелетинский, 2012, 189–190].

Первые свидетельства почитания гор в Андах относятся к ранним эпохам существования цивилизации [Leoni, 2005, 151]. Хрестоматийный пример почитания гор – это так называемая капакоча, то есть инкская практика человеческих (в основном детских) жертвоприношений в горах [Новосёлова, 2020, 67]. Есть иконографические подтверждения того, что горы служили местом жертвоприношений и в более ранний период, в частности у Моче в первые века нашей эры (Илл. 1).

Нельзя не упомянуть о двойственном характере этого концепта: гора выступает и как небесный, и как inferнальный символ. В Андах зафиксированы многочисленные упоминания того, что именно под горой расположен загробный мир. Рассмотрим эти упоминания более подробно.

Нередко местопребыванием мёртвых называются горы без приписки к какому-либо конкретному месту [Irrazaval, 1999, 17; Abercrombie, 1998, 335; Bastien, 1989, 47]. Возможно, это следствие определённого «размывания» традиции, поскольку по колониальным источникам прослеживается, что для каждой общины характерна своя пакарина – место (чаще всего в опре-

Илл. 1. Сосуд со сценой жертвоприношения в горах.
Культура Моче, Перу.
Из собрания Музея Америки (Мадрид)

делённой горе), которое воспринималось и как источник жизни, и как место упокоения душ после смерти. Опубликованные Пьером Дювиолем материалы процессов по искоренению идолопоклонства наглядно это показывают [Duviols, 2003, 414–415, 814, 737]. Этот же исследователь приводит наблюдение Пабло Х. де Арриага, одного из главных действующих лиц в этих процессах: «Каждая айлью имеет особую пакаину, откуда они происходят» [Duviols, 2003, 114].

В аргентинской провинции Жужуй зафиксированы также представления, что в горах обитают т.н. чильпас/чульпас, которые ассоциируются с духами дохристианского происхождения [Rivet, Tomasi, 2016, 380–382]. Здесь мы видим явные попытки отмежеваться от прежней традиции. Однако такая картина, будучи следствием влияния христианства, не является преобладающей для всего региона.

В индейских сообществах диоцеза Арекипа существовало представление о том, что вулканы (их можно рассматривать как синоним горы) являются местом отдыха умерших [Marsilli, 2014, 105]. С вулканами Арекипы связаны представления о локации загробного мира в соседнем департаменте Апуримак: загробный мир там представляется находящимся в недрах вулкана Корпуна [Valderrana Fernández, Escalante, 1980, 234] (другой вариант написания – Коропуна). В некоторых региональных вариантах (например, в Фуэрабамбе, департамент Апуримак) Коропуна в качестве локации загробного мира воспринимается как «правильное» место, в то время как Аусангате (самая высокая гора департамента Куско) – в качестве «неправильного», поскольку туда попадают грешники [Sánchez Garrafa, 2015, 89]. В южных Андах зафиксировано также представление о Коропуне как о местопребывании грешников в противовес небесам [Hernández, 2015, 163], что, несомненно, отражает влияние христианства.

Вероятно, именно о Коропуне пишет хронист Ф. Г. Пома де Айяла, когда описывает представления индейцев Кольясуйо и Кондесуйо о загробном мире: «умершие отправляются напрямик в Пукинапампу и в Коропуну...» [Poma de Ayala, 1980, 209].

Связанный с горой концепт пещеры также занимал значимое место в андских представлениях о загробном мире. Пещера как некое переходное по своей природе пространство часто рассматривается как портал из мира живых в мир мертвых [Mesoni, 1999, 168; Bugallo, Vilca, 2016, 279; Sánchez Garrafa, 2015, 91; Cruz, 2016, 179]. С одной стороны, это место зарождения жизни: помимо упомянутых локальных вариантов можно вспомнить, что именно из пещеры, согласно династическому мифу, появляются первые инки. С другой стороны, это и место смерти: в некоторых андских культурах пещеры использовались как усыпальницы. Наиболее показательный пример такого рода – это хранение украденных с христианских кладбищ тел именно в пещерах, что имело место в период борьбы с идолопоклонством и языческим мировоззрением индейцев [AAL: Leg. 3:8. f.1,3,5; AAL: Leg. 1:14. f.1-2].

Есть также данные, что пещеры использовались в качестве мест для захоронений еще в XIX столетии [Squier, 1877, 531–532]. Один из пионеров перуанской археологии Хулио Тельо, изучая в 20-х гг. XX в. традиции населения региона Каста в провинции Уарочири, оставил многочисленные свидетельства о пещерных захоронениях [Tello, Miranda, 1923, 484, 487]. Он ничего не говорит об их хронологии, но упоминания о сохранности позволяют отнести эти захоронения ко временам, не слишком отдалённых от момента наблюдения. Всё это свидетельствует об устойчивости соответствующих представлений.

Ещё одна распространённая локация загробного мира в Андах – подземная. В колониальный период она зафиксирована для прибрежной культуры Чиму, которой соответствовало государство Чимор. Хронист А. де ла Каланча сообщает, что, по представлению местных индейцев, если Луна не появляется на небе в течение двух дней, это означает, что она отправилась в загробный мир наказывать воров [Calancha, 1638, 552]. Это косвенно подтверждает идею, что по представлениям носителей этой культуры загробный мир располагался где-то под землёй. Отметим при этом, что именно божество Луны Си считалось главой пантеона Чиму.

На современном этапе соответствующие представления зафиксированы среди уже упомянутых лайми Боливии: Такна (название загробного мира у данной на-

родности) находится внизу, то есть это подземное пространство, куда прибывают, пересёкши воду [Harris, 1983, 146].

Ещё один пример – аймара Пуно, у которых в недавнем прошлом существовал обычай приносить в жертву ламу во время похорон. Согласно объяснениям информантов, кровь ламы предлагалась Пачамаме (то есть Земле), «чтобы утолить её жажду, и чтобы она приняла умершего в свои недра» [Luperio, 2001, 238]. Мы вновь видим, что образ потустороннего мира тесно связан с идеей жизни: земля даёт жизнь в виде посевов, она же принимает её обратно.

Наконец, последняя возможная локация загробного мира – это небо. Эта концепция непосредственно связана с христианством. В некоторых хрониках есть соответствующие упоминания: в частности, Инка Гарсиласо де ла Вега пишет о смерти первого Сапа Инки Манко Капака следующее: он позвал своих сыновей и сообщил им в том числе то, что «Солнце зовёт его и что он отдохнёт с ним <...> он будет присматривать за ними с небес» [Garcilaso de la Vega, 1985, 55]. Это упоминание необходимо использовать с осторожностью по двум основным причинам. Во-первых, подобная судьба приписывается лишь Манко Капаку, который, будучи основателем династии, имел особый статус. Во-вторых, Гарсиласо было свойственно видеть в инкской религии зачатки христианства, и гипотетическая вера в небеса как место назначения душ после смерти хорошо вписывается в его концепцию.

Приведём ещё один пример. Бернабе Кобо утверждает, будто инки верят, что души добрых людей отправляются на небо [Cobo, 1892, 318], а ад представляет собой тесное пространство под землей, где души вынуждены страдать от голода и жажды, есть ползучих тварей и пить зловонную воду [Cobo, 1892, 319]. Здесь нужно отметить следующее. Во-первых, Бернабе Кобо – автор весьма поздний, он писал свой труд в середине XVII в. Во-вторых, его информантами были инки, которые к тому времени уже интегрировались в колониальное общество, заняв в нём важное место, и христианизировались. Поэтому нет оснований считать, что данный пассаж Кобо отражает инкские и вообще андские верования доиспанского периода. Однако их отголосок здесь всё же есть: это мотив голода и жажды, которые испытывает душа; он зафиксирован на материале колониального и современного периодов [Ondegardo, 1906, 196; Murúa, 2001, 403; van Kessel, 2001, 223], а также подтверждается археологией (см. многочисленные примеры приношений еды, питья и одежды в захоронениях [Miłosz, Pardo, 2014, 94–95; Castillo, 2011, 45, 54; Donnan, 1978, 200, 256]).

В современном андском мировоззрении небо как местопребывание душ представлено намного отчётливее, хотя и здесь вариации весьма многочисленны [Bascoré Caero, 2001, 275; Cáceres Chalco, 2001, 199; Fernández Juárez 2001, 204]. Часто небо рассматривается как место назначения праведников; если же человек грешил при жизни, после смерти он превращается во вредоносный дух, местопребыванием которого часто выступают горы; эти представления характерны для южных Анд [Cáceres Chalco, 2016, 346; Hernández, 2015, 202]. Небо как локация загробного мира фигурирует также у аймара Тарапаки и Потоси, но в целом место назначения душ не очень конкретно [van Kessel, 2001, 233; Morán, 2017, 233]. Существует понятие Ханакпача – верхнего мира, где находится пристанище Бога, святых и душ умерших (по крайней мере, некоторых) [Spedding, 2008, 106].

Обратим внимание, что при наличии неба как местопребывания праведников, в андских представлениях о загробном мире отсутствует (единственное известное нам исключение – это упомянутый пассаж из хроники Кобо) ясно сформированный «классический» концепт ада. Его роль здесь порой выполняют древние варианты локаций загробного мира, в частности горы.

Заключение

Проведённый анализ позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, едва ли можно согласиться с испанским исследователем Франсиско Хиль Гарсией, который в одной из своих работ утверждает, что в Андах отсутствует чёткое понимание локаций загробного мира [Gil García, 2002, 66]. Вернее сказать, эту локацию нельзя свести к единому знаменателю вследствие огромного количества местных вариантов.

Во-вторых, сам набор этих вариантов во всем их многообразии (различные горы/вулканы, подземное пространство, земли за морем, небо) показывает устойчивость дохристианских представлений. Мы не видим здесь непримиримого противоречия: перед нами пример смешения старых, дохристианских, представлений с новыми, причём первые преобладают. Это тем более удивительно в свете того, что церковь прилагала огромные усилия по вытеснению традиционного андского видения смерти, стремясь искоренить своего «противника» – традиционное андское мировоззрение. Однако несомненно и влияние христианства в части придания отрицательной коннотации традиционным локациям загробного мира (см. выше о негативном образе гор и вулкана Коропуны в некоторых областях Анд), которые порой воспринимаются как аналог ада. Тем не менее, такое развитие мировоззрения не является господствующим.

В-третьих, источники показывают, что среди всех этих вариантов локализации загробного мира несомненно преобладающим являются горы / вулканы. Но здесь необходимо сделать важную оговорку. Нет сомнения, что горы были и продолжают быть ключевой локацией в областях Сьерры. Однако нет оснований предполагать, что такая же картина была характерна для культур Косты. К сожалению, традиционное мировоззрение в этой области сохранилось много хуже; здесь не проводились систематические этнографические исследования, а письменные источники колониального периода намного скуднее. На уровне гипотезы можно повторить уже высказывавшееся мнение, что здесь загробный мир был связан по преимуществу с морем.

Библиографический список

1. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М.: Академический проспект, 2012. – 331 с.
2. Новосёлова, Е.В. Мёртвое тело как объект чувственного восприятия в пространстве Андской цивилизации / Е.В. Новосёлова // Диалог со временем. – 2021. – № 76. – С. 300–313.
3. Новосёлова, Е.В. Человеческие жертвоприношения в традициях Андской цивилизации / Е.В. Новосёлова // Латинская Америка. – 2020. – № 4. – С. 62–74.
4. AAL – Archivo Arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg. I:14. 1605.
5. AAL – Archivo Arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg. 3:8. 1656.
6. Abercrombie, T.A. Pathways of Memory and Power. Ethnography and History among an Andean People / T.A. Abercrombie. – Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1998. – 632 p.
7. Arriaga, J. de. La extirpación de la idolatría en el Perú / J. de Arriaga. – Cuzco CBC, 1999. – 200 p.
8. Bascopé Caero, V. El sentido de la muerte en la cosmovisión andina: el caso de los valles andinos de Cochabamba / V. Bascopé Caero // Chungara: Revista de antropología chilena. – 2001. – № 2. – P. 271–277.
9. Bastien, J.W. Mountain of the Condor: Metaphor and Ritual in an Andean Ayllu / J.W. Bastien. – Austin: West Publishing Company, 1985. – 227 p.
10. Benson, E. Death-associated figures on Mochica pottery / E. Benson // Death and afterlife in pre-Columbian America. – Washington: Dumbarton Oaks, 1975. – P. 105–144.
11. Cáceres Chalco, E. La muerte como sanción y compensación: visión de equilibrio y reciprocidad en Cuzco / E. Cáceres Chalco // Chungara: Revista de Antropología Chilena. – 2001. – Vol. 33. – № 2. – P. 187–200.
12. Cáceres Chalco, E. Suq'as o hintilis, entre el orden y el desorden: la vida y la muerte en una misma dimensión en el sur andino del Perú / E. Cáceres Chalco // Bugallo, L., Vilca, M. (ed.) Wa'kas, diablos y muertos: alteridades significantes en el mundo andino. – San Salvador de Jujuy: Universidad nacional de Jujuy, 2016. – P. 341–372.
13. Calancha, de la. Cronica moralizada / A. de la Calancha. – Barcelona: Pedro Lacavalleria, 1638. – 922 p.
14. Castillo, L.J. San José de Moro y la arqueología del valle de Jequetepeque / L.J. Castillo. – Lima: PUCP, 2011. – 121 p.
15. Cobo, B. Historia del Nuevo Mundo. T.III. / B. Cobo. – Sevilla: Imprenta de E. Rasco, 1892. – 350 p.
16. Cruz, P. Pensando en Supay o desde el Diablo. Saqra, paisaje y memoria en el espacio surandino / P. Cruz // Bugallo, L., Vilca, M. (ed.) Wa'kas, diablos y muertos: alteridades significantes en el mundo andino. – San Salvador de Jujuy: Universidad nacional de Jujuy, 2016. – P. 171–200.

17. Donley, C. Late Moche pit burials from San José de Moro in social and political perspective / C. Donley // *Arqueología mochica: nuevos enfoques*. – Lima: PUCP, 2008. – P. 119–129.
18. Donnan, C.B. Ancient burial patterns of the Moche valley, Peru / C.B. Donnan. Austin: University of Texas Press, 1978. – 424 p.
19. Donnan, C.B. La Mina: a royal Moche tomb / C.B. Donnan. – Austin: University of Texas Press, 2022. – 168 p.
20. Duviols, P. Procesos y visitas de idolatrías. Cajatambo, siglo xvii / P. Duviols. – Lima: Instituto francés de estudios andinos, PUCP, 2003. – 882 p.
21. Garcilaso de la Vega, I. Comentarios reales de los incas / I. Garcilaso de la Vega. – Caracas: Biblioteca Ayacucho, 1985. – 287 p.
22. Gil García, F.M. Donde los muertos no mueren. Culto a los antepasados y reproducción social en el mundo andino. Una discusión orientada a los manejos del tiempo y el espacio / F.M. Gil García // *Anales del Museo de América*. – 2002. – № 10. – P. 59–83.
23. Gil García, F.M., Fernández Juárez, G. El culto a los cerros en el mundo andino: estudios de caso // *Revista Española de Antropología Americana*. – 2008. – № 1. – P. 105–113.
24. Gutiérrez, B.L. Plataforma Uhle: enterrando y desenterrando muertos / B.L. Gutiérrez // *Arqueología mochica: nuevos enfoques* – Lima: PUCP, 2008. – P. 245–259.
25. Harris, O. Los muertos y los diablos entre los laymi de Bolivia / O. Harris // *Revista Chungara*. – 1983. – № 11. – P. 135–152.
26. Hernández Lefranc, H. La vida post mortem en la sociedad quechua del Sur Andino peruano: testimonio de una experiencia / H. Hernández Lefranc // *Purgatorios*. – Lima: Universidad del Pacífico, 2015. – P. 159–206.
27. Irarrazaval, D. Un cristianismo andino / D. Irarrazaval. – Quito: Ediciones Abya-Yala, 1999. – 238 p.
28. Kaulicke, P. La muerte en el antiguo Perú. Contextos y conceptos funerarios: una introducción / P. Kaulicke // *Boletín de Arqueología PUCP*. – 1997. – Vol. 1. – P. 7–54.
29. Leoni, J.B. La veneración de montañas en los andes preincaicos: el caso de Ñawinpukeyo (Ayacucho, Perú) en el período intermedio temprano / J.B. Leoni // *Chungara: Revista de Antropología Chilena*. – 2005. – № 2. – P. 151–164.
30. Luperio, D. Alma Imaña: rituales mortuorios andinos en las zonas rurales aymara de Puno circunlallustre (Perú) / D. Luperio // *Chungara: Revista de Antropología Chilena*. – 2001. – Vol. 33. – № 2. – P. 235–244.
31. Marsilli, M.N. Hábitos perniciosos: religión andina colonial en la diócesis de Arequipa (Siglos XVI al XVIII) / M.N. Marsilli. – Santiago: Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, 2014. – 153 p.
32. Meconi, M.P. La cosmovisión religiosa andina en los documentos inéditos del Archivo Romano de la Compañía de Jesús. 1581–1752 / M.P. Meconi. – Lima: PUCP, 1999. – 627 p.
33. Miłosz, G., Pardo, C. (ed). Castillo de Huarmey. El Mausoleo imperial de Wari / G. Miłosz, C. Pardo. – Lima: MALL, 2014. – 348 p.
34. Morán, O.M. Todos los santos. Tradición y ayllu andino / O.M. Morán // *Chungara: Revista de Antropología Chilena*. – 2017. – № 2. – P. 227–239.
35. Muños Ovalle, I. Espacios fúnebres, prácticas mortuorias y cronología en el cementerio azapa-115: aproximaciones en torno a la estructura social de los agricultores prehispánicos del período medio / I. Muños Ovalle // *Estudios Atacameños*. – 2017. – № 54. – P. 5–36.
36. Murúa, M. de. Historia general del Perú. Madrid: Dastin, 2001.
37. Ondegardo, P.de. Instrucción contra las ceremonias y ritos que usan los indios conforme al tiempo de su infidelidad / P. De Ondegardo // *Revista Histórica*. – 1906. – II. – P. 192–203.
38. Ramos, G. Muerte y conversión en los Andes / G. Ramos. – Lima, Cuzco, 1532–1670. Lima: IEP, 2017. – 356 p.
39. Rivet, M.C., Tomasi, J. Casitas y Casas Mochas. Los antiguos y los abuelos en sus arquitecturas (Coranzulí y Susques, provincia de Jujuy, Argentina) / M.C. Rivet, J. Tomasi // Bugallo, L., Vilca, M. (ed.) *Wá'kas, diablos y muertos: alteridades significantes en el mundo andino*. – San Salvador de Jujuy: Universidad nacional de Jujuy, 2016. – P. 373–412.
40. Rucabado, J.J. Prácticas funerarias de elite en San José de Moro durante la fase transicional temprana: el caso de la tumba colectiva M-U615 / J.J. Rucabado // *Arqueología mochica: nuevos enfoques*. – Lima: PUCP, 2008. – P. 359–380.
41. Ruiz Rosell K. La Tumba M-U1411: un entierro Mochica Medio de elite en el cementerio de San José de Moro / K. Ruiz Rosell // *Arqueología mochica: nuevos enfoques* – Lima: PUCP, 2008. – P. 381–396.
42. Sánchez Garrafa, R. Apus de los cuatro suyus: construcción del mundo en los siglos mitológicos de las deidades de las montañas / R. Sánchez Garrafa. – Lima: IEP, 2015. – 358 p.
43. Shushan G., Flood G. Conceptions of the afterlife in early civilizations: universalism, constructivism, and near-death experience / G. Shushan, G. Flood. – London, New York: Bloomsbury Academic, Continuum, 2009. – 284 p.

44. Spedding, A.P. *Religión en los Andes extirpación de idolatrías y modernidad de la fe andina* / A.P. Spedding. – La Paz: Instituto superior ecuménico andina de teología, 2008. – 200 p.
45. Squier, E.G. *Incidents of Travel and Exploration in the Land of the Incas* / E.G. Squier. London: Macmillan and Co. – 1877. – 599 p.
46. Tello, J., Miranda, P. Wallallo. *Ceremonias gentílicas realizadas en la región cisandina del Perú* / J. Tello, P. Miranda // *Inca*. – 1923. – № 2. – P. 475–549.
47. Valderana Fernández, R., Escalante Gutierrez, C. *Apu Qorpuna: visión del mundo de los muertos en la comunidad de Awkimarka* / R. Valderana Fernández, C. Escalante Gutierrez // *Debates de antropología*. – 1980. – № 5. – P. 233–264.
48. van Kessel, J. *El ritual mortuorio de los aymara de Tarapaca como vivencia y crianza de la vida* / J. Van kessel // *Chungara: Revista de Antropología Chilena*. – 2001. – № 2. – P. 221–234.

Текст поступил в редакцию 21.10.2022.

Принят к печати 25.12.2022.

Опубликован 30.03.2022.

¹ Вопрос о термине, обозначающем загробный мир, заслуживает специального изучения. Поэтому здесь мы ограничимся констатацией того факта, что вариантов его названий великое множество; одним из наиболее распространенных терминов является кечуанское слово Кайпача (Kaupacha).

References

1. Meletinskii E.M. *Poetica mifa* [Poetry of the myth]. Moscow: Akademicheskii prospect, 2012, 331 p. (In Russian).
2. Novoselova E.V. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. 2021, no. 76, pp. 300–313 (in Russian).
3. Novoselova E.V. *Latinskaya America* [Latin America]. 2020, no. 4, pp. 62–74 (in Russian).
4. *Archivo Arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías*. Leg. I:14. 1605 (in Spanish).
5. *Archivo Arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías*. Leg. 3:8. 1656 (in Spanish).
6. Abercrombie T.A. *Pathways of Memory and Power. Ethnography and History among an Andean People*. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1998, 632 p.
7. Arriaga J. de. *La extirpación de la idolatría en el Perú* [Extirpation of idolatry in Peru]. Cuzco CBC, 1999, 200 p. (in Spanish).
8. Bascope Caero, V. El sentido de la muerte en la cosmovisión andina: el caso de los valles andinos de Cochabamba. *Chungara: Revista de Antropología Chilena*. 2001, no. 2, pp. 271–277 (in Spanish).
9. Bastien J.W. *Mountain of the Condor: Metaphor and Ritual in an Andean Ayllu*. Austin: West Publishing Company, 1985, 227 p.
10. Benson E. Death-associated figures on Mochica pottery. In *Death and afterlife in pre-Columbian America*. Washington: Dumbarton Oaks, 1975, pp. 105–144.
11. Cáceres Chalco E. *Death as a sanction and compensation: a vision of balance and reciprocity in Cuzco* [La muerte como sanción y compensación: visión de equilibrio y reciprocidad en Cuzco]. *Chungara: Revista de Antropología Chilena*, 2001, vol. 33, no. 2, pp. 187–200 (in Spanish).
12. Cáceres Chalco E. *Suq'as o hintilis, between order and disorder: life and death in the same dimension in the Andean south of Peru* [Suq'as o hintilis, entre el orden y el desorden: la vida y la muerte en una misma dimensión en el sur andino del Perú]. In Bugallo L., Vilca M. (ed.) *Wakas, devils and the dead: significant otherness in the Andean world* [Wa'kas, diablos y muertos: alteridades significantes en el mundo andino]. San Salvador de Jujuy: Universidad nacional de Jujuy, 2016, pp. 341–372 (in Spanish).
13. Calancha de la. *Moral chronicle* [Coronica moralizada]. Barcelona: Pedro Lacavalleria, 1638, 922 p. (In Spanish).
14. Castillo L.J. *San José de Moro and the archaeology of the Jequetepeque Valley* [San José de Moro y la arqueología del valle de Jequetepeque]. Lima: PUCP, 2011, 121 p. (In Spanish).
15. Cobo B. *History of the New World* [Historia del Nuevo Mundo]. Vol. III. Sevilla: Imprenta de E. Rasco, 1892, 350 p. (In Spanish)
16. Cruz P. *Thinking about Supay or Devil. Saqra, landscape, and memory in the South Andes* [Pensando en Supay o desde el Diablo. Saqra, paisaje y memoria en el espacio surandino]. In Bugallo L., Vilca M. (eds.) *Wakas, devils and the dead: significant otherness in the Andean world* [Wa'kas, diablos y muertos: alteridades significantes en el mundo andino]. San Salvador de Jujuy: Universidad nacional de Jujuy, 2016, pp. 171–200 (in Spanish).
17. Donley C. *Mochica archaeology: new approaches* [Arqueología mochica: nuevos enfoques]. Lima: PUCP, 2008, pp. 119–129 (in Spanish).
18. Donnan C.B. *Ancient burial patterns of the Moche valley, Peru*. Austin: University of Texas Press, 1978, 424 p.
19. Donnan C.B. *La Mina: a royal Moche tomb*. Austin: University of Texas Press, 2022, 168 p.
20. Duviols P. *Processes and visites of idolatries. Cajatambo, xvii cent.* [Procesos y visitas de idolatrías. Cajatambo, siglo xvii]. Lima: Instituto francés de estudios andinos, PUCP, 2003, 882 p. (in Spanish).
21. Garcilaso de la Vega I. *Royal commentaries of the Incas* [Comentarios reales de los incas]. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 1985, 287 p. (In Spanish).

22. Gil García F.M. *Annals of the Museum of America* [Anales del Museo de América]. 2002, no. 10, pp. 59–83 (in Spanish).
23. Gil García F.M., Fernández Juárez G. *Spanish Journal of American Anthropology* [Revista Española de Antropología Americana]. 2008, no. 1, pp. 105–113 (in Spanish).
24. Gutiérrez B.L. *Mochica archaeology: new approaches* [Arqueología mochica: nuevos enfoques]. Lima: PUCP, 2008, pp. 245–259 (in Spanish).
25. Harris O. *Chungara Journal* [Revista Chungara]. 1983, no. 11, pp. 135–152 (in Spanish).
26. Hernández Lefranc H. *Purgatories* [Purgatorios]. Lima: Universidad del Pacífico, 2015, pp. 159–206 (in Spanish).
27. Irrazaval D. *Andean christianity* [Un cristianismo andino]. Quito: Ediciones Abya-Yala, 1999, 238 p. (In Spanish).
28. Kaulicke P. *Bulletin of Archaeology PUCP* [Boletín de Arqueología PUCP]. 1997, vol. 1, pp. 7–54 (in Spanish).
29. Leoni J.B. *Chungara: Journal of the Anthropology of Chili* [Chungara: Revista de Antropología Chilena]. 2005, no. 2, pp. 151–164 (in Spanish).
30. Lupério D. *Chungara: Journal of the Anthropology of Chili* [Chungara: Revista de Antropología Chilena]. 2001, vol. 33, no. 2, pp. 235–244 (in Spanish).
31. Marsilli M.N. *Pernicious habits: colonial Andean religion in the diocese of Arequipa (XVI to XVIII centuries)* [Hábitos perniciosos: religión andina colonial en la diócesis de Arequipa (Siglos XVI al XVIII)]. Santiago: Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, 2014, 153 p. (In Spanish).
32. Meconi M.P. *The Andean religious worldview in the unpublished documents of the Roman Archive of the Society of Jesus. 1581–1752* [La cosmovisión religiosa andina en los documentos inéditos del Archivo Romano de la Compañía de Jesús. 1581–1752]. Lima: PUCP, 1999, 627 p. (In Spanish).
33. Miłosz G., Pardo C. (eds.). *Castillo de Huarmey. The imperial mausoleum of Wari* [Castillo de Huarmey. El Mausoleo imperial de Wari]. Lima: MALI, 2014, 348 p. (In Spanish).
34. Morán O.M. *Chungara: Journal of the Anthropology of Chili* [Chungara: Revista de Antropología Chilena]. 2017, no. 2, pp. 227–239 (in Spanish).
35. Muñoz Ovalle I. *Atacameño Studies* [Estudios Atacameños]. 2017, no. 54, pp. 5–36 (in Spanish).
36. Murúa M., de. *General history of Peru* [Historia general del Perú]. Madrid: Dastin, 2001 (in Spanish).
37. Ondegardo P., de. *Historical Journal* [Revista Histórica]. 1906, no. II, pp. 192–203 (in Spanish).
38. Ramos G. *Death and convention in the Andes* [Muerte y conversión en los Andes. Lima, Cuzco, 1532–1670]. Lima: IEP, 2017, 356 p. (In Spanish).
39. Rivet M.C., Tomasi J. *Casitas and Houses Mochas. Ancients and grandfathers in their architecture* [Casitas y Casas Mochas. Los antiguos y los abuelos en sus arquitecturas (Coranzuli y Susques, provincia de Jujuy, Argentina)]. In Bugallo L., Vilca M. (eds.) *Wakas, devils and the dead: significant otherness in the Andean world* [Wa'kas, diablos y muertos: alteridades significantes en el mundo andino]. San Salvador de Jujuy: Universidad nacional de Jujuy, 2016, pp. 373–412 (in Spanish).
40. Rucabado J.J. *Mochica archaeology: new approaches* [Arqueología mochica: nuevos enfoques]. Lima: PUCP, 2008, pp. 359–380 (in Spanish).
41. Ruiz Rosell K. *Mochica archaeology: new approaches* [Arqueología mochica: nuevos enfoques]. Lima: PUCP, 2008, pp. 381–396 (in Spanish).
42. Sánchez Garrafa R. *Apus of four suyus: world construction in mythological ages of mountain deities* [Apus de los cuatro suyus: construcción del mundo en los siglos mitológicos de las deidades de las montañas]. Lima: IEP, 2015, 358 p. (In Spanish).
43. Shushan G., Flood G. *Conceptions of the afterlife in early civilizations: universalism, constructivism, and near-death experience*. London, New York: Bloomsbury Academic, Continuum, 2009, 284 p.
44. Spedding A.P. *Religion in the Andes: extirpation of idolatries and modernity of the andean faith* [Religión en los Andes: extirpación de idolatrías y modernidad de la fe andina]. La Paz: Instituto superior ecuménico andina de teología, 2008, 200 p. (In Spanish).
45. Squier E.G. *Incidents of Travel and Exploration in the Land of the Incas*. London: Macmillan and Co, 1877, 599 p.
46. Tello J., Miranda P. *Wallallo. Gentile ceremonies of the Western Andes region* [Wallallo. Ceremonias gentílicas realizadas en la región cisandina del Perú]. Inca, 1923, no. 2, pp. 475–549 (in Spanish).
47. Valderana Fernández R., Escalante Gutierrez C. *Debates on Anthropology* [Debates de antropología]. 1980, no. 5, pp. 233–264 (in Spanish).
48. Van Kessel J. *Chungara: Journal of the Anthropology of Chili* [Chungara: Revista de Antropología Chilena]. 2001, no. 2, pp. 221–234 (in Spanish).

Submitted for publication: October 21, 2022.
Accepted for publication: December 25, 2022.
Published: March 30, 2023.